

А.И. Куприянов

РУССКИЙ ГОРОЖАНИН В ПОИСКАХ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (первая половина XIX в.)*

Наши представления о российском обществе дореформенной эпохи сложились преимущественно благодаря трудам историков, изучавших экономику, сословный строй России, классовую борьбу и общественно-политическую мысль. Историки, занимавшиеся указанными проблемами, опирались прежде всего на законодательные акты, официальные документы, а также источники личного происхождения, созданные в дворянской среде. В советское время ученые вынуждены были придерживаться официальной точки зрения на существование в России классов-сословий. Пределом возможной дискуссионности о социальной стратификации дореформенного российского общества был вопрос о том, являлись ли купечество и мещанство единым сословием или же они были разными сословиями?

Однако, как представляется, главная проблема исторического познания России состояла не в идеологических препонах, а в самом видении истории. В этом видении не было места для восприятия общества и социальной иерархии человеком XIX в. Представления рядовых современников об обществе и своем месте в нем крайне редко становились предметом изучения. В результате мы получили весьма одностороннюю картину. Ныне крайне актуально дополнить взгляд на общество "извне" взглядом "изнутри", т.е. представлениями самих современников об этом обществе. Как отметил А.Я. Гуревич, именно "взаимное соотнесение" этих весьма различных, в принципе не совпадающих точек зрения сделает картину истории "убедительной и отвечающей специфике предмета исторического познания"¹.

В 1818 г. в Москве был установлен, пожалуй, самый известный и узнаваемый памятник России — памятник Минину и Пожарскому. На его постаменте характерная надпись: "Гражданину Минину и князю Пожарскому. Благодарная Россия". В самом названии содержится откровенный анахронизм. В начале XVII в. слово "гражданин" употреблялось в книжном языке как калька с греческого и означало "горожанин". Ни в делопроизводственной документации, ни в публицистике того времени оно не употреблялось. В конце XVIII в. «за словом гражданин прочно закрепляется значение "член гражданского общества"»². Другая функция слова "гражданин", которое в петровскую эпоху обозначало представителя городского торгово-промышленного сословия, к концу XVIII в. утрачивает былое значение и обозначает (как и церковнославянская традиция употребления) жителя города, горожанина³. Однако такое ли содержание, которое утвердилось в литературном

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 98-01-00303).

языке (и в книжности, и в законодательстве), вкладывали в слово "гражданин" те современники скульптора Мартоса, которые не принадлежали к образованной части общества?

П.Г. Рынзюнский в предисловии к своей книге "Городское гражданство дореформенной России" писал, что русские купцы, мещане и цеховые предпочитали называть себя не городскими обывателями (как именовало их и Городовое положение 1785 г.), а гражданами. По его мнению, словосочетание «"городское гражданство"... оттеняет раскрепощающее значение переход в городское состояние»⁴. Применительно к крепостным крестьянам с такой трактовкой следует согласиться, но, как известно, в России никогда не существовало абсолютной крепостной зависимости крестьян. Для казенных крестьян, если они не становились купцами, переход в городские сословия не приносил никакого раскрепощения. Зависимость от государства для вчерашнего крестьянина, получившего статус полноправного горожанина, сохранялась: он платил подушный оклад, выполнял многочисленные натуральные повинности, тяжелейшая из которых - рекрутчина - висела дамокловым мечом почти над каждым семейством рядовых горожан. Поэтому, как образно писал Б.Н. Миронов: "Воздух русских городов - увы! - не делал человека свободным ни в средние века, ни в новое время"⁵.

Но это взгляд историков, социологов, экономистов, лингвистов, т.е. исследователей, и к тому же более позднего времени. Мы же до сих пор не знаем, какое содержание вкладывали люди начала XIX в. - сами купцы и мещане - в словосочетание "городское гражданство"?

На локальном материале имеется интересный опыт выявления содержания основных терминов ("купечество", "мещанство", "гражданство", "посад"), которыми в законодательстве были обозначены горожане, принадлежавшие к непривилегированному слою населения. Н.В. Середа, анализируя употребление этих терминов в делопроизводственной документации магистратов городов Тверской губернии в конце XVIII в., приходит к выводу о том, что словосочетание "городское гражданство" синонимично сочетанию "купеческое и мещанское общество"⁶.

В зарубежных исследованиях истории ментальностей особое внимание уделяется коллективным прошениям и петициям, как источникам, в полной мере выражающим коллективную ментальность больших социальных групп, а следовательно, отражающим картину мира, присущую людям, входившим в эти группы. Многие отечественные историки также считают коллективные челобитные важнейшим источником для изучения социальной психологии масс.

К первой половине XIX в. относится лишь один общероссийский однородный массив источников, отражающих чаяния городского гражданства. Это ответы "градских обществ" в 1837 г. на предложение правительства о слиянии магистратов и ратуш (первых судебных инстанций для городских сословий) с уездными судами (первыми судебными Инстанциями для других сословий). Данные источники позволяют гово-

рять о господствующем восприятии горожанами социальной структуры, городского строя и своего места в социальной стратификации общества.

Предложение правительства о слиянии магистратов и ратуш с уездными судами, на первый взгляд, вело к формированию общегражданского судопроизводства, уничтожению сословных барьеров в этой сфере. Однако свое согласие на объединение магистратов и ратуш с уездными судами дали лишь жители 86 городов и посадов Российской империи из 722, существовавших в 1811 г. В их числе оказалось лишь 14 малых городов и посадов в нынешних границах России⁷.

Каковы были причины такого единодушного отклика на предложение правительства, сделанное, казалось бы, в направлении буржуазного судопроизводства? Почему же горожане не поддержали идею единого, общесословного суда? Попытаемся разобраться в системе их аргументации. По мнению Весьегонской городской думы (Тверская губерния), "магистрат учрежден единственно для пользы нашей, для скорейшего, справедливого и беспристрастного рассмотрения и решения наших дел". Отмечалось и большее удобство несения выборными лицами службы при магистрате, членам которого "по высочайше дарованной милости" разрешено по очереди половине отлучаться, "по взаимному их согласию, *не спрашивая даже на то дозволения и от губернского начальства* (курсив мой. — А.К.), что в уездном суде невозможно. Весьегонцы считали службу в магистрате почетной, а право носить вицмундир после 9-ти лет беспорочной службы "выщим поощрением". Они указали и на то, что в уездных судах дела будут проходить медленнее. Но более всего они не верили в равный суд "по невозможности заседателями обществ как членов в судах, против чиновников, самых нижних *собратий своей, гражданам, оказать законную защиту и удовлетворение*" (курсив мой. - А./С.)⁸.

Сходная мотивация была и в отзывах городов Тверской губернии. Осташковская городская дума прямо заявила о своем недоверии такому судебному органу, в котором от "граждан" будут два члена, а от дворян - три (два заседателя и председатель)⁹. "Служба городская по магистрату весьма полезна для общества тем, - говорилось в рапорте Ново-торжской городской думы, - что всякого гражданина состояние и поведение градскому чиновнику известно, и всякий *градский чиновник как к своему сословию благоснисходителен...* и потому каждый находит в нем себе покровителя... как к *своему согражданину или собрату...*" Ржевские купцы и мещане отмечали, что "общество" привыкло подчиняться "*равным себе собратиям*" (курсив мой. — А.К.)¹⁰.

Из процитированных отзывов городских дум Тверской губернии недвусмысленно просматривается глубокое недоверие непривилегированных горожан к идее общесословного суда. Такое отношение определялось чувством глубокой неприязни к дворянству. Сословная солидарность его членов в представлениях купцов и мещан оказывается много выше их веры в бескорыстие и объективность судей-дворян.

Примечательна и лексика этих документов: в частности, "гражданами" они именуют лишь лиц, принадлежавших к собственно городским сословиям. Противоречий внутри "граждан" - между купцами, мещанами и цеховыми — в этих источниках обнаружить нельзя. Налицо консолидация "граждан" против дворянства, отсюда и несколько высокопарное именование горожан и выборных лиц "согражданами" и "собратьями".

Горожане Тобольской губернии, отвергнув предложение о слиянии магистратов и ратуш с уездными судами, не поднялись до патетики твэряков. В их аргументации главное место занимает оперативность решения дел магистратами. В Тобольской губернии, где не было помещичьего землевладения, нет того явного недоверия к возможности равенства всех перед законом, которое наблюдалось в Тверской и других губерниях, где имелось многочисленное дворянство. Однако известная осторожность в отзывах тоболяков все же присутствует. Аналогичной была аргументация и жителей городов других сибирских губерний. Подводя итог отношению к этому вопросу городских "обывателей" вверенной ему губернии, енисейский гражданский губернатор В. Копылов писал, что они "не столько пекутся об уменьшении их расходов, сколько дорожат правом быть подведомственными только такому судебному месту, которого бы члены были из их же сословия и самими ими избраны"¹¹. Горожане не без оснований подозревали дворян в корпоративной морали. О наличии двойного стандарта морали красноречиво свидетельствует, например, такой факт: рязанский губернский предводитель дворянства Н.Н. Реткин публично обвинил известного общественного деятеля А.И. Кошелева, пытавшегося в конце 1830-х годов оградить крестьян от произвола помещиков, в забвении сословных интересов: "Не таким... должен быть предводитель дворянства: если я увижу, что мой брат - дворянин зарезал человека, то и тут пойду под присягу, что ничего о том не знаю"¹². Поэтому неверие граждан в объективность и бескорыстие судебных чиновников-профессионалов было вполне оправданным.

Отзывы городских дум и городских обществ на предложение правительства об объединении магистратов и ратуш с уездными судами позволяют утверждать, что в середине 1830-х годов в восприятии непривилегированных городских слоев купцы, мещане и цеховые противостоят дворянам и чиновникам. На первый взгляд, у исследователя, ознакомившегося с этими источниками, создается впечатление, что горожане из непривилегированных слоев оценивали свое место в обществе, исходя из существующей де-юре сословной структуры социума. В этих документах прослеживается и внутригородская консолидация, они фиксируют городскую идентичность в форме "городского гражданства". Однако возникают вопросы. В какой мере эта социальная идентичность ощущалась в разных социальных стратах в повседневной жизни города? Не были ли эти формулировки навязаны большинству горожан лицами из торгово-промышленной верхушки, которые, как правило, и возглавляли самоуправление, или своей словесной оболоч-

кой данные источники обязаны прежде всего постоянным чиновникам, работавшим в думах и магистратах?

В источниках можно найти многочисленные подтверждения и подавляющему влиянию авторитарных деятелей городского самоуправления, и самоуправству секретарей и других постоянных канцелярских чиновников выборных органов власти¹³. Нередко купцы и мещане в дореформенную эпоху в официальных бумагах жаловались на свое незнание законов и произвол канцелярских чиновников городских учреждений. Время от времени правительственные чиновники обвиняли последних в навязывании своих решений необразованным гражданам, не знающим ни законов, ни порядка делопроизводства.

Между тем следует учитывать контекст заявлений горожан о своем правовом невежестве. Такие признания имели место в официальных документах, когда нужно было оправдаться перед властями о нарушении закона или убрать неугодного "градского" чиновника, действительно пользовавшегося бблйиим авторитетом, чем можно было бы ожидать от чиновника, нанятого для делопроизводства. Столичные же ревизоры зачастую попадали в одну и ту же элементарную ловушку, расставленную смьшленными провинциальными купцами. Хитрые "мужики" охотно и не без успеха эксплуатировали стереотипы сановных бюрократов о необразованности и "серости" русских купцов. На самом деле уровень образованности в среде граждан был таким, что большую часть купцов можно причислить к "необразованным слоям" тогдашнего русского социума (впрочем, как и немалую долю провинциальных дворян). Но главное различие между купеческим (простонародным) и дворянским видением содержания образования состояло в представлении о характере образования. У горожан оно имело ярко выраженную прагматическую направленность. "Стремление к обучению детей объяснялось материальными мотивами. Овладение грамотой было связано для казака с получением выгодных должностей... Именно поэтому тяга к знаниям была наиболее сильна в служилых кругах, именно поэтому грамотность, по мнению северян, совершенно не нужна была женщинам", - пишет о жителях Березова и Сургута Н.А. Миненко¹⁴. Отношение московского купечества дореформенной России к образованию, как убедительно свидетельствует один из лучших знатоков купеческой субкультуры Н.П. Вишняков¹⁵, было таким же, как и у сибирских казаков. По этому граждане, для которых имя Шиллера и Штрауса ассоциировалось лишь с кондитером или часовщиком, живущими по соседству, весьма неплохо разбирались в законодательстве, регулирующем их непосредственные жизненные интересы. "Многие из них читать и писать не умеют, вместо рукоприкладства печать прилагают, - писал в 1848 г. о жителях г. Медыни Калужской губернии учитель приходского училища А.Е. Данилевский, - но ни одну бумагу не скрепят не прослушавши, заставит себе прочесть и скажет: не так; а как же, скажет ему секретарь; а вот садись, пиши, я тебе проскажу, и начинает диктовать и действительно из-под диктовки его выйдет бумага тонкого юриста"¹⁶.

Чтобы понять, в какой мере риторика коллективных заявлений граждан (в частности, по проблеме социальной идентичности) соответствовала ощущению индивидом своей идентичности, имеет смысл обратиться к источникам личного происхождения. В первую очередь к тем источникам, которые фиксировали бы идентичность не задним числом (как в мемуарах), а сиюминутно, как в дневниках или письмах. Увы, эти источники, созданные представителями средних городских слоев, сохранились в очень незначительном числе. И все же в архивах их можно отыскать. Сопоставим дневники двух горожан - Ивана Андреевича Нечкина и Петра Васильевича Медведева, близких по социальному происхождению, положению и образованию. Первый - мещанин города Осташкова, служивший приказчиком у самых богатых в городе купцов - братьев Савиных. Второй - владелец небольшой фабрики, перешедший из мещан в купцы 3-й гильдии. Хронологически их дневники также близки между собой: "Вседневные записки на 1850 год" Нечкина и "Памятная книга" Медведева, которая охватывает период с 1854 по 1863 г. Главное отличие между ними в том, что один создан провинциалом, а другой - столичным жителем. Выбор этих двух дневников для сопоставления определяется прежде всего уникальностью источников. До нас дошли буквально единичные образцы купеческих дневников дореформенной поры. Выбор дневников именно Медведева и Нечкина продиктован прежде всего плотностью записей (Нечкин заносил свои наблюдения на страницы дневника чуть ли не ежедневно, а Медведев делал удивительно подробные, со множеством конкретных деталей описания), что позволяет перейти к микроанализу проблемы социальной идентичности. Разумеется, сопоставление двух дневников не дает оснований для экстраполяции полученных результатов на всю совокупность городского гражданства России, но представляется весьма интересным для исследования понимания индивидом своего положения в обществе - будь то в столице или в провинции.

Дневник Ивана Андреевича Нечкина является весьма информативным для понимания восприятия им своей социальной идентичности. Для него статус горожанина имеет несомненное преимущество перед статусом крестьянина, и не только крепостного, но и казенного. Поэтому, сообщая о том, что один из служащих фабриканта Савина выдал свою сестру замуж за "мужика", он воспринимает этот брак как откровенный мезальянс: "Она была уже осташковская мещанка"¹⁷. О восприятии Нечкиным крестьян можно судить по целому ряду мелких замечаний, сопровождавших описание некоторых событий или лиц. О крестьянине, вывозившем 15 возов навоза со двора и не сказавшем спасибо", Нечкин с явным неодобрением: "Вот так мужик!". Осуждает он и крестьянина, который нарушил договоренность о доставке груза в Петербург и не уведомил об этом. В этом же ряду запись: "Мужик возом с сеном сломал петли у двери крыльца"¹⁸. Суммируя эти замечания, можно утверждать, что сельские жители ассоциируются у мещанина с невежеством, неотесанностью, неловкостью, неучтивостью. По

мнению Нечкина, крестьяне, особенно крепостные, включая и вольноотпущенных, отличаются низким уровнем нравственного развития. Вот, например, его отзыв о жене соборного сторожа, приглашенной для ухода за его супругой, родившей мертвого ребенка: "...как уже прежде бывше холопкой, то и бессовестна". О другой несимпатичной ему особе он писал: "Приехала обратно из гостей из Москвы дурацкая экономка дома Савина Марфа Захаровна, Московской губернии, Коломенского уезда, села Деднова, вольноотпущенная"¹⁹. Упоминание о социальном статусе и в том, и в другом случае имеет целью усилить негативную характеристику человека. Такое восприятие крестьян обнаруживает, что потомственный житель небольшого уездного города, получившего городской статус лишь в 1772 г., ощущал свою особость, свое принципиальное социальное и культурное отличие от крестьян.

Не прослеживаются в дневнике достаточно четко и приметы той сословной структуры, которая юридически существовала в России и неизменно присутствует в работах историков. О приниженности средних слоев горожан в Осташкове в середине XIX в. в "записках" Нечкина нет никаких свидетельств. Прямое противопоставление дворян "гражданам" (купцам и мещанам) можно обнаружить в записях, отражающих субкультурные различия горожан, которые привлекли внимание автора своей необычностью, например, свадьба, на которой невеста "венчалась, равно и впоследствии ходила по дворянски [в] салопе и шляпке"²⁰. Однако скрытая враждебность (по крайней мере - недоброжелательность) граждан к дворянам иногда просматривается на страницах дневника. Например, в описании эпизода, когда один из служащих Савиных потребовал, чтобы местный помещик заплатил за проезд на судне вдвое дороже, чем пассажиры-горожане. При этом служащий вел себя подчеркнуто некорректно по отношению к помещику. Характер записи в дневнике был нейтральным, скорее в нем можно усмотреть солидарность с дворянином, чем с самоуправным приказчиком. Однажды в поле зрения мемуариста попал случай столкновения семьи горожанина и дворянина на бытовой почве: "В доме Петра Егорова Суворова на время квартировал ржевский помещик Давыдов и пьяный бушевал, избил мать, ломал двери, рвался к жене Суворова и так далее. Суворов просил в городническое правление, и пошла мировая и Суворов получил с помещика сто руб. серебр. и все решено"²¹. Это описание Нечкин не снабдил какими-либо комментариями, которыми он сопровождал, например, рассказы о столкновениях с хозяевами по работе, о сдержанном приеме хозяевами приказчиков по праздникам или о выборах городского головы в соседнем городе, завершившихся победой его знакомого, а не одного из богатейших купцов. Видимо, в социальном пространстве города осташковский мещанин имел значительно меньше конфликтогенных зон с дворянами, чем с представителями своего сословия или купечества.

В дневнике Нечкина при упоминании горожан крайне редки указания на их социальный статус. В публицистике и в официальных доку-

ментах Осташков предстает городом, в котором всегда было много мещан, записавшихся в купечество с целью уклониться от рекрутской повинности. Может быть, именно поэтому Нечкин, как правило, не говорит о сословном статусе лиц, принадлежащих к городскому гражданству. Упоминания о сословной принадлежности часто появляются, когда он пишет о малознакомых людях или же когда профессиональные занятия не вполне, по его представлениям, соответствовали сословному статусу человека. Например, дневниковая запись за 11 мая: "Наложил извощ[ика] в Питер на 8 нед[ель] селижского Степана Иванова, что ныне по ревизии записавшись купцом..."²².

Описывая приход делегации осташковских граждан к Федору Кондратьевичу Савину с просьбой принять должность городского головы, он говорит не о купцах и мещанах, но о "бедных" и "богатых" гражданах. Имущественное положение человека для Нечкина и определяет его место в обществе. Отсюда деление всех на "бедных" и "богатых". Реально же "богатым" противопоставляются все остальные горожане. С нескрываемой радостью мемуарист писал об избрании в Торжке городским головой знакомого ему И.М. Вешнякова, вопреки противодействию местных "миллионеров": "Вот так, славно, всем надели очки богачам"²³.

Однако Нечкин, судя по дневнику, в рамках этого городского гражданства выделял и собственный социальный круг. Этот круг был весьма узок — кожаные приказчики Савина, представлявшие собой своего рода замкнутую корпорацию. Социальными маркерами определения малой социальной группы, к которой принадлежал мемуарист, являются упоминания о групповом проведении праздничного досуга, во время которого социальные связи, существующие в обществе, проявляются наиболее отчетливо и ярко. Важнейшие календарные праздники (Новый год, Пасха, Рождество) в качестве неотъемлемого компонента включали совместное участие в торжествах всех приказчиков Савиных. Они собирались после обедни в церкви и все вместе шли поздравлять хозяев. Как правило, это поздравление сопровождалось угощением служащих. Затем, непременно, следовала совместная трапеза приказчиков. На устойчивый характер такого праздничного времяпрепровождения указывают некоторые описания: "и по заведению", "и по заведению прежнему", "как и всегда", "и все как и прежде"²⁴. Приказчики вместе поздравляли хозяев с важными семейными или общественными событиями в их жизни. Вместе они проводили часть праздничного досуга, в дни важнейших календарных праздников устраивая совместные трапезы в помещении того самого буфета, в котором обедали и в будни. Но при этом автор дневника постоянно стремится обособить себя от "фабричных" — приказчиков, служащих на фабрике Савина. Наиболее отчетливо противопоставление "кожаных" и "фабричных" приказчиков проявилось при поздравлении ими Хозяев по случаю награждения медалью одного из хозяев за юфтевые изделия. "А когда поздравляли Стефана Кондр[атьевича]... и нам ко-

жевым прикащ[икам] сделал приветствие, а фабричным фигу", - писал об этом событии Нечкин²⁵.

Он также записал, что, поддавшись на уговоры товарищей, впервые побывал на фабричном "собрании". О впечатлении, которое он вынес от посещения этой вечеринки, говорит ироничная запись: "Видел собрание вавилонское". Вавилон для каждого русского простолюдина ассоциировался с многолюдством, гамом и шумом. Учитывая, что Нечкин был человеком малопьющим, вероятно, атмосфера, царившая на вечеринке, показалась ему непристойной.

Что стояло за настойчивым стремлением кожевенного приказчика отмежеваться от "фабричных"? Формально и те и другие обладали равным социальным статусом. Можно ли свести упорное нежелание Нечкина ощутить свою социальную тождественность с фабричными приказчиками к профессиональной идентичности? Действительно, этот осташковский мещанин испытывал, если не чувство гордости за свою профессию, то по крайней мере сознание значимости и полезности своего труда. Но едва ли можно приписать настойчивое избегание общения с "фабричными" в повседневной жизни и постоянное противопоствление собственной референтной группы и "фабричных" лишь восприятию Нечкиным своего труда как более престижного, чем труд приказчиков с фабрики. Вероятно, причины такого отношения коренились в маргинальности рабочих, а отчасти и служащих частных заводов и фабрик русской провинции в первой половине XIX в. В провинциальных городах Европейской России рабочими на фабриках были преимущественно оброчные крестьяне. У нас нет данных считать, что Осташков был исключением в отношении сословного положения фабричных рабочих. Вполне вероятно, что среди приказчиков фабрики Савиных было и немало выходцев из крестьянской среды. В этом контексте, учитывая чувство культурного превосходства осташковского мещанина над крестьянами, становится понятным стремление к публичной обособленности в рамках владений дома Савиных кожевенных приказчиков - потомственных городских граждан.

В лексике дневника осташковского горожанина само слово "сословие" отсутствует. Иное наблюдается в "Памятной книге" москвича Петра Васильевича Медведева. Для него сословность является важнейшей категорией при описании социальной иерархии и общественного быта. Сообщая о похоронах князя С.М. Голицына, он фиксирует, что по желанию покойного они проходили скромно, "без выражения почести, без шуму и грому, без знаков отличия", за гробом шли "лишь представители сословий и масса народа"²⁶. Из этой записи, как и из некоторых других отрывочных свидетельств, просматривается та роль, которую отводил сословиям в обществе московский купец. Эта роль состояла в том, чтобы служить организующим, упорядочивающим фактором гражданского бытия. Для Медведева сословие - это не только принадлежность к определенному социальному слою, но и общность духовного и материального бытия. Так, 29 апреля 1856 г. он записал свои

размышления на эту тему: "... слава Богу, живем. Одеты, сыты, а высших потребностей, или, как говорят, эстетических, право, не нашему сословию они принадлежат..."²⁷. Поэтому всякое уклонение от верности образу жизни своего сословия чревато многими напастями для человека. "Будь он верен своему сословию, не случилось бы этого, - писал Медведев 20 февраля 1859 г. о знакомом студенте П.Н. Рыбникове, взятом в крепость "за свои воззрения и либеральные идеи". - Рожденный в сословии купцов, известных в свое время суконных фабрикантов, и проходя бы свое природное занятие, быть может, наверное, был бы теперь солидной купец"²⁸.

Казалось бы, исходя из понимания московским купцом значения сословного строя в жизни социума, мы вправе сделать умозаключение о том, что Петр Васильевич Медведев вполне усвоил официальную идею неизблемости существующего социального строя. Ее неотъемлемой составной частью был тезис о консервации сословий и сохранении социальных и культурных барьеров между ними. Однако такое умозаключение справедливо лишь отчасти. Медведев, постоянно ощущая в повседневной столичной жизни грани, отделяющие сословия, скорее констатирует роль сословности, чем оправдывает ее. При этом он неизбежно должен был пользоваться языковыми клише, с помощью которых он и мог пытаться выразить свое отношение к социальной иерархии российского общества середины XIX в. Важно понять, в какой мере представления о сословиях у Медведева совпадали с их официальным статусом в России? Считал ли он благоприятным для настоящего и будущего страны сохранение правовых и социокультурных барьеров между сословиями? И если нет, то какие явления современного ему социального быта он одобрял?

Следует напомнить, что Медведев не принадлежал к образованной публике и писал интимный дневник, а не научный трактат. Поэтому его замечания об обществе, как правило, лаконичны. Но все же, в отдельных случаях он оставил относительно развернутые высказывания на этот счет. В частности, из сообщения об отставке генерал-губернатора Москвы графа А.А. Закревского видно, что автор дневника насчитывает всего три "сословия": низшее, среднее и высшее²⁹. Себя он относит к среднему. Свою идентичность он определял в дневниках ва-риативно - отождествляя себя с купечеством или мещанством. Последнее наблюдалось значительно реже (с полной уверенностью отождествление с мещанством может быть установлено лишь в одном случае). Вероятно, ощущение своей принадлежности к мещанскому сословию было связано с тем, что Медведев только в 1854 г. обрел статус купца 3-й гильдии. Примечательно, что на обороте титульного листа своей "Памятной книги" среди важнейших событий общероссийской и своей частной жизни, озаглавленных "Эпохи", нет упоминания о вступлении⁸ в гильдию. Возможно, это было связано с тем, что в 1864 г., когда была внесена запись о последней "эпохе" - смерти жены, Медведев уже вновь числился мещанином. Неудачливый предприниматель скорее

всего никогда не вышел бы в купечество, если бы не Крымская война и связанный с ней рекрутский набор, страшивший мемуариста. Однако и в этом случае, несомненно, он отнес бы себя к среднему "сословию" Для Медведева принадлежность к "сословию" определялась не формальным статусом индивида, а, выражаясь современным языком, его местом в общественном разделении труда и принадлежностью к определенной субкультуре. Поэтому в его среднем "сословии" нет места для чиновников. Чиновники для московского купца - "белая кость". Наиболее явственно противопоставление "белого" и "черного" люда вырисовывается при описании обнародования 5 марта 1861 г. высочайшего манифеста об отмене крепостного права. В этом описании нет никакого упоминания о купцах, мещанах, крестьянах, дворянах и чиновниках. Все присутствовавшие в двух московских церквях, где в тот день побывал Медведев, делятся на два класса - "черный" и "белый" народ³⁰. Разумеется, московский купец, "рожденный в крестьянском быту", ощущает свою идентичность с "черным народом".

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что московский купец значительно острее, чем осташковский мещанин, ощущает противоречия между дворянством и непривилегированными сословиями и даже идентифицирует себя с "черным" людом, в то время как Нечкин постоянно отгораживается от "нисшего" сословия. Причина этого состоит отнюдь не в том, что осташковский мещанин - это потомственный горожанин, а московский купец - выходец из крестьянства, а в разности ощущения индивидом одного и того же сословного статуса в столичном и в уездном городе. В провинции в середине XIX в. "гражданин" чувствовал себя гражданином несравненно в большей степени, чем в Москве, Петербурге или некоторых крупных губернских городах, в которых проживали многочисленные слои неслужащего дворянства, чиновничества и офицерства. В данном же случае даже сословное превосходство москвича, по сравнению с провинциалом, не дает ему возможности избавиться от чувства социальной приниженности. Следовательно, формально-юридический статус далеко не охватывает и не исчерпывает всего богатства градаций и оттенков, характеризующих восприятие индивидом своего места в социальной иерархии.

Медведев не чувствовал и внутрисословного единства московского купечества. Временами в его дневнике появлялись строки, пронизанные глубоким недовольством иерархическим устройством публичного быта московского купечества и своим низким местом на внутрисословной лестнице. В связи с посещением вечеринки в доме известного московского фабриканта А.З. Морозова в дневнике Медведева появляется запись: "Не нужно бы ехать, но ведь зовет Богач, как не быть..." Размышляя над причинами своей неудачной предпринимательской деятельности, он с горечью писал: "...но что же делать нам, мелочам (курсив мой. — А К), когда наш голос теряется, как в пустыне..."³¹ Образ "маленького человека", открытый миру русской классической литера-

турой, в восприятии московского купца 3-й гильдии трансформируется в образ "мелкого человека" ("мелочи").

Что же вызывало у Медведева чувство недовольства своим положением в купеческой среде? Если учесть, что имеются свидетельства современников мемуариста, которые зафиксировали на провинциальных материалах неудовлетворенность купцов своими отношениями с коллегами, то представляется, что настроения Медведева были созвучны массовым настроениям торгово-предпринимательской части населения русского народа. Такие настроения препятствовали сословной консолидации русского купечества. Какие же факторы мешали внутреннему сплочению купеческого сословия? Помимо социально-экономических (конкуренция) и юридических (привилегии для купцов первых двух гильдий) факторов важнейшую роль играла картина мира русского купечества. В иерархии жизненных ценностей исключительное место занимало богатство. Лишь дважды маргинал П.А. Бурышкин (выходец из купечества - интеллигент, русский эмигрант) мог писать, что "даже в купеческих группировках и на бирже богатство не играло решающей роли"³². На деле же в старой России, особенно в первой половине XIX в., в господствующей картине мира русских постоянно сталкиваются две тенденции: преклонение перед богатством и зависть, переходящая в ненависть к обладателям этого богатства³³.

Социальную идентичность можно "считывать" не только по источникам личного происхождения или коллективным петициям. В равной степени проявляется она и в поступках людей. Одной из особенностей поведения значительной части русского купечества дореформенной эпохи было наличие двойного стандарта деловой этики. На это обстоятельство обратил внимание, например, учитель медынского приходского училища А.Е. Данилевский - один из корреспондентов Географического общества. В 1848 г. он писал, что местные купцы и мещане в сделках между собою "без актов верны и честны. Но благородные люди, к которым они питают какую-то *враждебную ненависть*, и вообще пришлецы без актов не должны полагаться на их честность и верность, — их непременно обманут; они даже хвалятся между собой, что умели проморгать простачка"³⁴.

Эту же "враждебную ненависть" наблюдатели иногда фиксировали и в канун великих реформ. Корреспондент Географического общества М.А. Добролюбов в своем очерке о г. Василе Нижегородской губернии отметил первой из "характеристических черт" мещан "ненависть к чиновному люду, вероятно наследственную, вследствие угнетений в прежнее время..."³⁵ В других городах (по-видимому, их было большинство) современники отмечали более мягкие формы выражения неприязненного отношения купцов и мещан к дворянам. Неприязненное отношение могло приобретать самые различные проявления - от подчеркнуто неучтливового поведения на улицах и в публичных местах до выражения неодобрения тем гражданам, которые проводили свой досуг в кругу "благородных".

Избегание досугового общения с "благородными" было отнюдь не повсеместным явлением. На окраинах России, где отсутствовало помещичье землевладение, например в Сибири, как единодушно отмечали современники, "общество" состояло из чиновников и купцов. Поэтому-то краевед В. Паршин в 1849 г. с удивлением писал: "Жители г. Верхнеудинска ведут жизнь уединенную и не любят сближаться с чиновниками, и этою особенностью один только Верхнеудинск отличается от всех прочих городов Иркутской губернии"³⁶.

Однако противоречия между гражданами и дворянами иногда приобретали значительно более острый характер, чем бытовая неприязнь. Приведу лишь один эпизод из городской повседневности. В 1831 г. Тверской гражданский губернатор всеподданнейше докладывал о беспорядках в г. Осташкове. Карантины и другие противохолерные меры 1830-1831 гг. вызвали в Осташкове (как и в ряде других городов) острое недовольство купцов и мещан. В 1831 г. граждане объявили о роспуске противохолерного комитета, состоящего из дворян и возглавляемого уездным предводителем дворянства. Недовольство горожан было столь сильным, что предводитель был вынужден бежать из города, опасаясь расправы. В своем отношении к тверскому гражданскому губернатору от 23 июля 1831 г. он писал, что в городе распространился слух будто бы "яды и отравы сыплются в колодцы и мешаются во все, в пищу употребляемое, даже и в самый нюхательный табак. Градский глава... получа... письмо из С. Петербурга, что работники его, один понюхав табаку, другой, напившись квасу, мгновенно умерли, говорил об оном... С сего времени уже все из сострадания просящие считались жителями города за людей отравляющих..." Городской голова Мосягин рассказывал, что в Новгороде неизвестные мужчины в "дворянском платье" подмешивают яд в воду и пищу.

Предводитель дворянства сообщал, что его крепостному горожане прямо заявляли, что "от барина вашего посланы люди для отравления". Сам же городской голова, ссылаясь на волю императора, повелевшего сосредоточить все меры по борьбе с холерой в Санкт-Петербурге в руках городского головы, требовал замены дворян-попечителей гражданами. Необходимость такой замены он аргументировал тем, что в прошлом году один из членов попечительного комитета "заставлял бывших у него для рассылки мещан чистить сапоги, из коих каждый мещанин лучше попечителя". Достоверность обвинения, выдвигаемого против одного из членов комитета, учитывая присущее осташковским купцам и мещанам чувство собственного достоинства, представляется весьма сомнительной. Однако дворянский предводитель спорить не стал, а тут же предложил заменить неугодного попечителя. Но городской голова на компромисс не пошел.

Будучи повторно приглашен для обсуждения этого вопроса, он вновь отказался признать существование дворянского комитета, созданного в соответствии с циркуляром МВД. "Ответ [градского] главы был в самых дерзких выражениях на счет сословия дворян, кои и изо-

бразить трудно для благородно себя чувствующего, и наконец, что граждане лучше многих дворян", - с обидой писал уездный предводитель дворянства³⁷.

Как интерпретировались подобные источники в советской историографии? Движение в городах в 1830-1831 гг., например, трактовалось в качестве однозначного свидетельства о полном отсутствии доверия к правящим властям у рядовой массы граждан. То обстоятельство, что среди пострадавших в ходе городских волнений было немало дворян и чиновников (при этом данные о социальном составе жертв стихии народного гнева обычно не приводились), позволяло делать вывод о том, что движение в городах органически входило в общий фронт антикрепостнической борьбы.

Сегодня такая интерпретация представляется не вполне корректной. При такой всепоглощающей классовой детерминации исторических событий историк неизбежно игнорировал информацию, которая не укладывалась в прокрустово ложе официального марксизма-ленинизма. Поэтому поведение людей модернизировалось, и за бортом оказывались все другие факторы, влиявшие на события. При этом игнорировались социокультурный контекст поведения людей, их ментальность и присущая им картина мира. Отсюда не понятно, почему жертвами народного гнева оказывались в первую очередь врачи, фельдшеры, санитары? Почему в нищих видели отравителей? Почему не только рядовые горожане, но и купцы, возглавлявшие самоуправление, распространяли эти нелепые (с точки зрения образованного человека того времени) слухи?

Социальные интересы граждан тесно переплетались в картине мира купцов и мещан с присущими им фобиями. Фобия "чужого" всегда была присуща горожанам (равно как и крестьянам) в традиционном обществе. Страх перед холерой, уносившей в одночасье сотни жизней, лишь актуализировал эту фобию. "Чужими" в провинциальном русском городе, как и в столицах для простонародья, почти весь XIX век были люди, принадлежавшие к дворянской культуре: дворяне, чиновники, студенты. Присутствие в этом ряду студентов способно вызвать у части читателей удивление, но всякий человек в форменном мундире рассматривался в народе как принадлежащий к чужому миру, к чужой культуре - "встречают по одежке..." Для того чтобы в глазах необразованной части общества исчезло отторжение студентов-разночинцев, потребовались многие годы антиправительственной борьбы Радикально настроенной части студенчества и резкий слом старой картины мира.

В городах подозрительными лицами были также иностранцы, злокозненные поляки", а также нищие. Их отличительными признаками была прежде всего одежда. По мнению видных этнологов, изучавших русский город той поры, сословность одежды усиливалась вплоть до середины XIX в.³⁸ Не случайно ошашковский городской голова говорит об "отравителях", одетых в дворянское платье. В предста-

влениях необразованных слоев общества холера была выдумана "чужими" (чиновниками, врачами, иностранцами), чтобы травить русский народ.

Какие же новые возможности для понимания исторических явлений открывает изучение проблем социальной идентичности средних слоев русских горожан? Не претендуя на исчерпывающую полноту ответа на данный вопрос, отмечу, что такое изучение не только возвращает обычного человека в историю, но и позволяет высветить новые грани некоторых старых проблем. В их числе и вопрос: почему в России не произошла консолидация средних слоев горожан на буржуазной основе? Отвечая на него, историки традиционно подчеркивали экономическую и политическую слабость русской буржуазии, ее малочисленность, бедность городов, в которых лишь к середине XIX в. в основном завершился процесс изживания аграрных черт. В последние годы исследователи к этим причинам также добавляют и тот факт, что образ жизни и ментальность населения малых и средних городов еще в значительной мере сохраняли деревенские черты³⁹.

Изучение городской идентичности в первой половине XIX в. выдвигает и некоторые другие - культурные — факторы, оказывавшие серьезное влияние на процессы консолидации буржуазии. Преобладание у граждан традиционалистских картин мира, мешавших сближению с интеллигенцией, которая и могла принять на себя функцию идеологического обоснования необходимости консолидации городского гражданства на буржуазной основе. Рост образовательного уровня купечества и процесс оскудения дворянства привели к интерференции (по выражению М. Оссовской)⁴⁰ буржуазного и дворянского этносов. Усвоение верхушкой купечества личностных норм поведения, свойственных "благородным", отторгало от нее основную массу горожан. Наконец в первой половине-середине XIX в. горожане в провинции, как правило, субъективно ощущали свое противостояние не столько дворянам и чиновникам, сколько "богатым". Таким образом, в картине мира дореформенного гражданства главный социальный водораздел присутствовал в форме дуальной оппозиции "бедные"- "богатые". Все эти противоречивые и разнородные социокультурные факторы оказали свое тормозящее влияние на процесс консолидации городского гражданства.

¹ Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа "Анналов". М., 1993. С. 291-292.

² Алексеев А.А. История слова гражданин в XVIII в. // Изв. АН СССР. Сер.-лит. и яз. М., 1972. Т. 31. № I. С. 70.

³ Там же. С. 71-72.

⁴ Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 3.

⁵ Миронов Б.Н. Русский город в 1740-1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С. 236.

⁶ Середа Н.В. К изучению терминов "гражданство", "мещанство", "купечест-

- во" (по документам городских магистратов Тверской губернии) // Мир источниковедения. М.; Пенза, 1994. С. 100.
- ⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 37. Д. 7. Л. 741-743.
- ⁸ Там же. Л. 143 об.-144 об.
- ⁹ Там же. Л. 151 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 147-147 об., 160.
- ¹¹ Там же. Л. 510 об.
- ¹² Кошелев А.И. Записки. Берлин, 1884. С. 62.
- ¹³ На сибирских материалах мне доводилось писать об этом. См.: Курьянов А.И. Правовая культура горожан Сибири первой половины XIX в. // Общественно-политическая мысль и культура сибиряков в XVII-первой половине XIX века. Новосибирск, 1990. С. 81-101.
- ¹⁴ Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII-первой половине XIX в. Новосибирск, 1975. С. 124.
- ¹⁵ Вишняков Н.П. Сведения о купеческом роде Вишняковых. М., 1913. Ч. 2. С. 94.
- ¹⁶ Архив Географического общества (АГО). Р. 15. Д. 29. Л. 31.
- ¹⁷ Государственный архив Тверской области (ГАТВО). Ф. 103. Оп. 1. Д. 2628. Л. 5.
- ¹⁸ Там же. Л. 10 об., 19 об., 59 об.
- ¹⁹ Там же. Л. 10, 14 об.
- ²⁰ Там же. Л. 7 об.
- ²¹ Там же. Л. 4.
- ²² Там же. Л. 23.
- ²³ Там же. Л. 57.
- ²⁴ Там же. Л. 2, 18 об.
- ²⁵ Там же. Л. 50 об.
- ²⁶ Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 2330. Оп. 1. Д. 986. Л. 20.
- ²⁷ Там же. Д. 984. Л. 35.
- ²⁸ Там же. Д. 986. Л. 22 об.
- ²⁹ Там же. Д. 986. Л. 44.
- ³⁰ Там же. Д. 986. Л. 1 об.-2.
- ³¹ Там же. Д. 984. Л. 28 об.; Д. 986. Л. 22.
- ³² Бурьшкин П.А. Москва купеческая: Мемуары. М., 1991. С. 113-114.
- ³³ См.: Курьянов А.И. Представления о труде и богатстве русского купечества дореформенной эпохи // Менталитет и культура предпринимателей России XVII-XIX вв. М., 1996. С. 83-107.
- ³⁴ АГО. Р. 15. Д. 29. Л. 1. См. также: Глаголева О.Е. Предпринимательство и культура в провинции в конце XVIII-первой половине XIX века // Российское купечество от средних веков к новому времени. М., 1993. С. 146.
- ³⁵ АГО. Р. 23. Д. 103. Л. 27 об.
- ³⁶ Там же. Р. 59. Д. 15. Ч. 1. Л. 323. Еще два сибирских города - Омск и Барнаул - славились сословным характером быта. В военно-административном Омске, как отметил местный жандармский начальник, купечество не сливается с чиновничеством "по недостаточному образованию своему и средствам..." (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. 1 эксп., 1844 г. Д. 247. Ч. 48. Л. 7-7 об.). В Барнауле сегрегация быта приобрела еще более жесткий характер. В городе горные инженеры и чиновники обособились от чиновников других ведомств.

³⁷ ГАРФ. Ф. 109. 4 эксп., 1831 г. Д. 115. Л. 7-7 об.

³⁸ *Анохина Л.Н., Шмелева М.Н.* Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., 1977. С. 168-171; *Рабинович М.Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988. С. 195-198; *Лебедев С.К., Миронов Б.Н.* Новая концепция русского доиндустриального города: Манфред Хильдермайер о русском дореформенном городе // Государственные институты и общественные отношения в России XVIII-XX вв. в зарубежной историографии. СПб., 1994. С. 45.

³⁹ См.: *Миронов Б.Н.* Указ. соч. С. 236.

⁴⁰ *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа. М., 1987. С. 427-459.